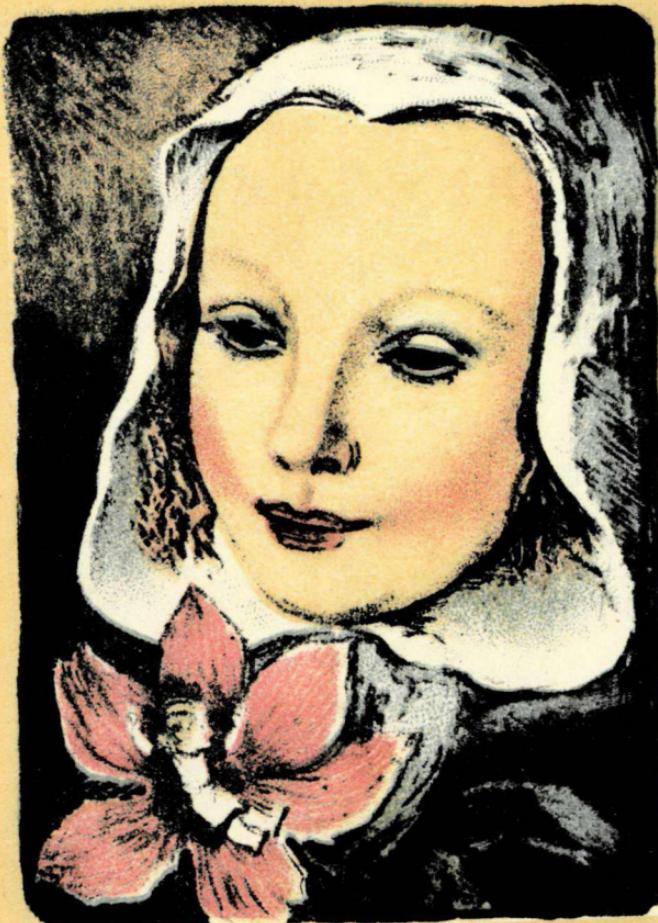

Г.-Х. АНДЕРСЕН

ДЮЙМОВОЧКА

ДЕТГИЗ 1945

Г.-Х. АНДЕРСЕН

ДЮЙМОВОЧКА

Рисунки К. Рудакова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НАРКОМИПРОСА РСФСР
Москва 1945 Ленинград

Жила-была одна женщина, и не было у нее детей. А ей очень хотелось маленького ребеночка. Вот пошла она к старой колдунье и сказала:

— Мне очень хочется, чтобы у меня была дочка. Не скажешь ли ты, где мне ее взять?

— Почему не сказать! — ответила колдунья. — Вот тебе ячменное зерно. Это зерно не простое, не такое, какие растут на крестьянских полях и которыми кормят кур. Посади ты это зернышко в цветочный горшок, а потом увидишь, что будет.

— Спасибо тебе! — сказала женщина и дала колдунье двенадцать грошей.

Потом она пошла домой и посадила ячменное зернышко в цветочный горшок. Только она его посадила, зернышко сразу дало росток, а из ростка вырос большой чудесный цветок, совсем как тюльпан. Но лепестки цветка были плотно сжаты, это был пока нераспустившийся бутон.

— Какой прелестный цветок! — сказала женщина и поцеловала красивые пестрые лепестки.

И как только она поцеловала лепестки, там внутри, в бутоне, что-то щелкнуло, и цветок распустился. Это был точь-в-точь тюльпан, но в самой чашечке на зеленом пестике цветка сидела девочка. Она была маленькая-маленькая, всего в дюйм¹ ростом. Ее так и прозвали Дюймовочкой.

Скорлупка грецкого ореха была ее колыбелькой, голубые фиалки — периной, а лепесток розы — одеялом. В скорлупке она спала ночью, а днем играла на столе. Женщина поставила на стол тарелку с водой, а на края положила цветы, и длинные стебельки цветов купались в воде. Для маленькой Дюймовочки тарелка с водой была целым озером, и Дюймовочка плавала по этому озеру на лепестке тюльпана, как на лодочке. Вместо весел у нее были два белых конских волоса. Дюймовочка целые дни каталась на своей чудесной лодочке, переплывала с одной стороны тарелки на другую и распевала песни. Такого нежного голоска, как у нее, никто никогда не слышал.

Однажды ночью, когда Дюймовочка спала в своей колыбельке, через открытое окно в комнату влезла большущая жаба, мокрая и безобразная. Она вспрыгнула прямо

¹ Дюйм — два с половиной сантиметра.

на стол и заглянула в скорлупку, где спала под лепестком розы Дюймовочка.

— Вот славная жена будет моему сынку! — сказала жаба; она схватила ореховую скорлупку с девочкой и вы-прыгнула через окно в сад.

В саду протекала речка, а у самого ее берега было топкое болото. Здесь-то, в болотной тине, и жила старая жаба со своим сыном. Сын был тоже мокрый и безобразный — точь-в-точь как и его мать, старая жаба.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог он сказать, когда увидел маленькую девочку в ореховой скорлупке.

— Тише ты! Разбудишь ее, и она убежит от нас, — сказала старая жаба. — Она ведь легче лебединого пуха. Посадим-ка ее посредине реки, на широкий лист кувшинки, — это целый остров для такой крошки. Оттуда уж ей ни за что не убежать. А я тем временем устрою для вас в тине уютное гнездышко.

В реке росло много кувшинок; их широкие зеленые листья плавали по воде. Самый большой лист был дальше всех от берега. Жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупку, в которой спокойно спала девочка.

Рано утром проснулась Дюймовочка и вдруг увидела, что она на листе кувшинки; кругом, куда ни посмотришь, вода, а берег чуть виднеется вдали. Дюймовочка очень испугалась и заплакала.

А старая жаба сидела в тине и украшала свой дом камышом и желтыми кувшинками — она хотела угодить молодой невестке. Когда все было готово, жаба поплыла со своим гадким сыном к листу, на котором сидела Дюймовочка, чтобы взять ее кроватку и поставить в спальне.

Старая жаба низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок! Он будет твоим мужем. Вы славно заживете с ним у нас в тине.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог сказать сынок.

Жабы взяли скорлупку и уплыли с ней, а Дюймовочка осталась одна на зеленом листе и горько-горько плакала — ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выходить замуж за ее противного сына.

Маленькие рыбки, которые плавали под водой, верно, видели жабу и ее сына и слышали, что она говорила Дюймовочке, потому что все они высунули из воды свои головки, чтобы поглядеть на крошку-невесту. А когда рыбки увидели Дюймовочку, им стало ужасно жалко, что такой прелестной девочке придется жить с жабами. Не бывать же этому! Рыбки столпились под водой у листа кувшинки, на котором сидела Дюймовочка, и перегрызли стебель.

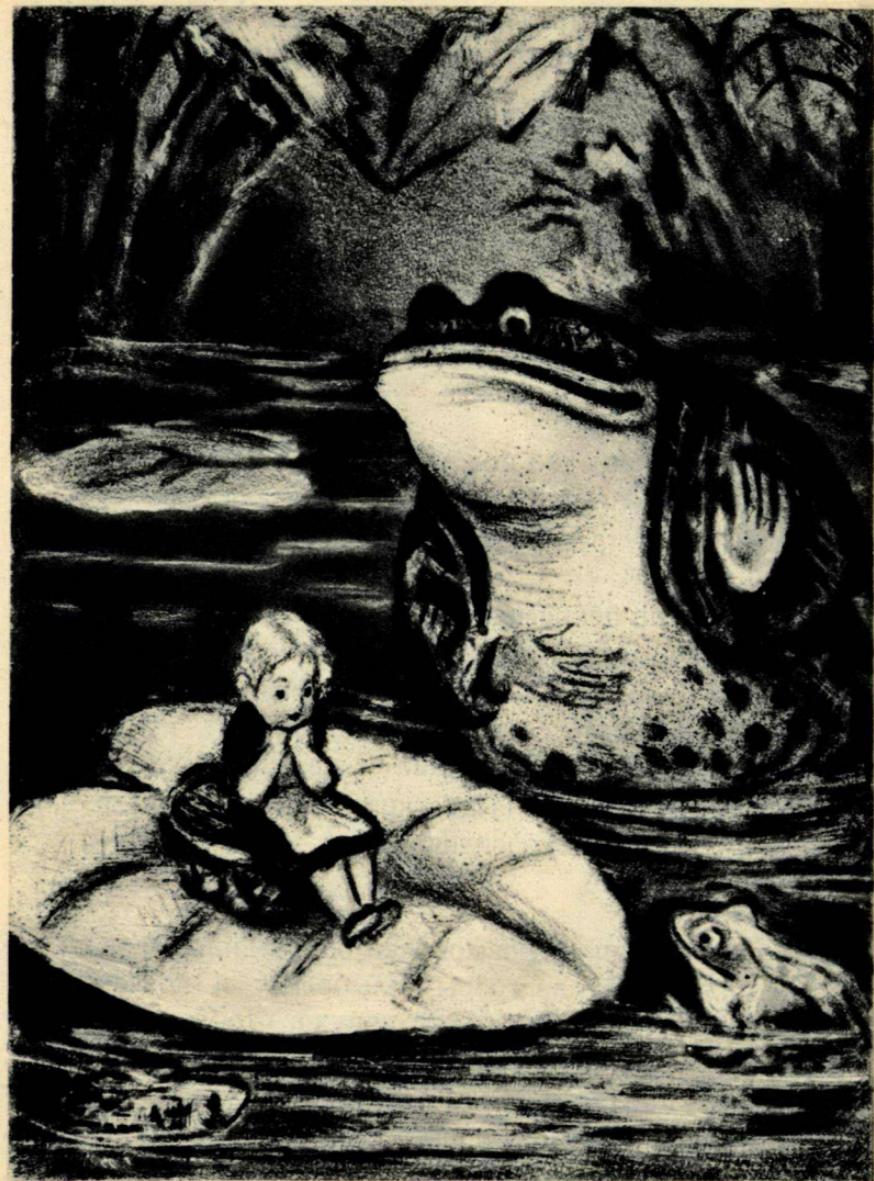
И вот лист кувшинки поплыл по течению. Течение было сильное, и лист с девочкой быстро уплывал все дальше и дальше. Теперь жаба никак не могла бы догнать Дюймовочку.

Маленькие птички, которые сидели в кустах, на берегу, смотрели на Дюймовочку и пели:

— Какая хорошенъкая маленькая девочка!

Красивый белый мотылек все время порхал вокруг Дюймовочки и наконец опустился на лист — уж очень ему понравилась маленькая девочка. Тогда Дюймовочка сняла с себя пояс, один конец набросила на мотылька, а другой привязала к своему листку. Мотылек полетел, и лист поплыл еще быстрее.

Мимо летел майский жук. Он увидел Дюймовочку,

схватил ее и унес на дерево, а зеленый лист кувшинки поплыл дальше, и с ним мотылек — он ведь был привязан и не мог освободиться.

Бедная Дюймовочка очень испугалась, когда жук схватил ее и понес на дерево. Но майскому жуку и горя было мало. Он уселся высоко на дереве, покормил Дюймовочку сладким цветочным соком и сказал ей, что она ему очень нравится, хоть она и совсем не похожа на майского жука.

Потом к ним пришли в гости другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они разглядывали Дюймовочку с головы до ног, а жучки-барышни пожимали щупальцами.

— У нее только две ножки! — говорили одни.

— У нее даже нет щупальцев! — сказали другие.

— Какая она тонкая! Совсем как человек! — сказали третьи.

— Она очень некрасивая! — решили наконец все жуки.

Тут майскому жуку, который принес Дюймовочку, показалось тоже, что она очень безобразна, и он не захотел больше держать ее у себя — пусть идет, куда знает. Он слетел с нею вниз и посадил ее на ромашку.

Дюймовочка сидела на цветке и плакала: ей было обидно, что она такая некрасивая. Даже майские жуки прогнали ее.

Все лето прожила Дюймовочка одна-одинёшенька в лесу. Она сплела себе из травы колыбельку и повесила эту колыбельку под большой лист лопуха, чтобы ее не замочил дождик. Она ела сладкий цветочный мед и пила росу, которую каждое утро находила на листьях.

Так прошло лето, прошла и осень. Приближалась длинная холодная зима. Все птички улетели, цветы завяли,

а большой лопух, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, засох и свернулся в трубочку.

Дюймовочка дрожала от холода: платье ее все разорвалось, а она была такая маленькая, нежная — как ей не мерзнуть! Пошел снег, и каждая снежинка была для Дюймовочки то же, что для нас целая лопата снегу. Мы ведь большие, а она была всего-то с дюйм ростом. Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и Дюймовочка сама дрожала, как осенний лист.

Тогда Дюймовочка решила уйти из лесу и поискать себе приюта на зиму.

За лесом, в котором жила Дюймовочка, было большое поле. Хлеб с поля уже давно убрали, и только короткие сухие стебельки торчали из мерзлой земли. В поле было еще холоднее, чем в лесу, и бедняжка совсем замерзла.

И вот раз пришла Дюймовочка к норке полевой мыши; вход в норку был прикрыт сухими стебельками и былинками. Полевая мышь жила в тепле и довольстве: кухня и кладовая у нее были битком набиты хлебными зернами. Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей кусочек ячменного зернышка — она два дня ничего не ела.

— Ах ты, бедняжка! — сказала полевая мышь (она была, в сущности, добрая старуха). — Ну иди сюда, погрейся да поешь со мной!

И Дюймовочка спустилась в норку, обогрелась и поела. Старухе девочка очень понравилась, и она сказала:

— Оставайся у меня на зиму. Я буду кормить тебя, а ты убирай хорошенько мой дом да рассказывай мне сказки — я очень люблю сказки.

И Дюймовочка стала делать все, что приказывала ей

старая мышь. Ей жилось отлично в теплой мышиной норке.

— Скоро у нас будут гости, — сказала однажды полевая мышь. — Раз в неделю приходит навестить меня мой сосед. Он очень богат и живет куда лучше меня. У него большой дом под землей, и он носит чудесную черную бархатную шубу. Выходи, девочка, за него замуж! Уж с ним-то ты не пропадешь. Одна только беда: он совсем слепой и не увидит тебя. Зато ты будешь рассказывать ему самые лучшие сказки, какие только знаешь.

Но Дюймовочке вовсе не хотелось выходить замуж за соседа — это ведь был крот.

Вскоре крот в самом деле пришел в гости к полевой мыши. Он был такой важный, ученый и богатый; шуба на нем была бархатная и очень красивая.

Дом у него был в двадцать раз больше, чем домик полевой мыши. Там было много больших комнат и длинных коридоров, но солнце никогда не заглядывало туда. Крот терпеть не мог солнца и не выносил цветов — он ведь их никогда не видел.

Дюймовочку заставили петь для важного гостя, и она спела две песенки, да так хорошо, что крот сразу полюбил ее. Но он не сказал ни слова — он был такой степенный и солидный господин.

А потом крот прорыл под землей длинный подземный ход от своего дома к самой норке полевой мыши и пригласил старую мышь и Дюймовочку прогуляться по этому подземному ходу.

Крот взял в рот гнилушку — в темноте ведь гнилушка все равно что свечка — и пошел вперед, освещая длинный и широкий коридор. На полпути крот остановился и сказал:

— Здесь лежит какая-то птица. Но вам ее нечего бояться, она мертвая.

И крот проткнул своим широким носом дырку в потолке; дневной свет проник в подземный ход, и Дюймовочка увидела мертвую ласточку. Это была настоящая птица, с перьями и с клювом; она, должно быть, умерла недавно, в начале зимы, и была зарыта там, где крот прорыл свою норку.

Крылышки мертвой птички были крепко прижаты к телу, ножки и головка спрятаны в перышки. Бедная ласточка, наверно, умерла от холода. Дюймовочке стало очень жалко ее. Она так любила птичек! Ведь они целое лето пели ей свои чудесные песенки. Но крот толкнул ласточку своими короткими лапами и сказал:

— Небось, не свистит больше! Да, не хотел бы я родиться вот такой пичужкой. Они только и умеют чирикать, а придет зима — помирай с голоду и холоду. Вот уж моим детям не придется бояться зимы!

— Да-да! — сказала полевая мышь. — Какой прок от этого чириканья? Песнями сыт не будешь, чириканьем зимой не согреешься!

А Дюймовочка молчала, но когда крот и мышь повернулись к птице спиной, Дюймовочка нагнулась к ней, раздвинула перышки и поцеловала ее в закрытые глазки.

«Может быть, это та самая ласточка, которая так чудесно распевала летом, — подумала девочка. — Сколько радости доставила ты мне, милая птичка!»

Потом крот заткнул дыру в потолке и проводил старуху мышь и Дюймовочку домой.

Ночью Дюймовочке не спалось. Она встала с постельки, сплела из сухих былинок большой ковер, пошла в

подземный ход и прикрыла ковром мертвую птичку. Потом Дюймовочка принесла из мышиной норки пушистый, мягкий мох и устроила из него постельку, чтобы мертвей птичке было удобнее лежать.

— Прощай, милая ласточка, — сказала Дюймовочка. — Прощай! Спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда деревья были еще зеленые, а солнышко так славно грело!

И она склонила головку на грудь птичке — и вдруг испугалась: она услышала, как в груди ласточки что-то стучит. Это забилось сердце птицы — она была не совсем мертвая, а только окоченела от холода. А теперь она согрелась и ожила.

Дюймовочка дрожала от страха — ведь птица была просто великаном по сравнению с такой крошкой! Но все-таки Дюймовочка собралась с духом, поплотнее закутала ласточку ковриком, а потом сбежала, принесла листок мяты, которым сама укрывалась, и покрыла им голову птицы.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к птице. Ласточка уже совсем ожила, только была еще очень слаба и еле-еле открыла глазки, чтобы посмотреть на девочку. Дюймовочка стояла перед нею с куском гнилушки в руках — другого фонаря у нее не было.

— Спасибо тебе, милая крошка! — сказала больная ласточка. — Я так хорошо согрелась! Скоро я совсем поправлюсь и опять вылечу на солнышко.

— Ах, — сказала Дюймовочка, — теперь так холодно, идет снег! Останься лучше в своей теплой постельке, а я буду ухаживать за тобой.

Дюймовочка принесла ласточке воды в цветочном ле-

пестке и несколько ячменных зернышек. Ласточка попила и поела, а потом рассказала девочке, как она поранила себе крыло о терновый куст и не могла улететь вместе с другими ласточками в теплые края. Пришла зима, стало очень холодно, и она упала на землю... Больше ласточка уже ничего не помнила, и как попала сюда, в подземелье, она не знала.

Всю зиму прожила ласточка в подземелье, а Дюймовочка ухаживала за ней. Ни крот, ни полевая мышь ничего не знали об этом — они ведь совсем не любили птичек.

Когда наступала весна и пригрело солнышко, Дюймовочка открыла ту дыру, которую проделал в потолке крот, чтобы ласточка могла улететь.

Ласточка спросила, не хочет ли девочка отправиться вместе с нею. Пусть сядет к ней на спину, и они полетят в зеленый лес. Но Дюймовочке было жалко старую полевую мышь — она знала, что старухе без нее будет очень скучно.

— Нет, я не могу улететь с тобой, — сказала она ласточек.

— Прощай, прощай, милая девочка! — прощебетала ласточка и вылетела на волю.

Дюймовочка посмотрела ей вслед, и слезы закапали у нее из глаз — уж очень полюбила она птичку!

— Тви-вить, тви-вить! — крикнула ласточка и скрылась в зеленом лесу.

А Дюймовочка осталась в мышиной норе. Теперь ей жилось очень плохо: ей совсем не позволяли выходить на солнышко, а поле вокруг норки полевой мыши заросло высокими толстыми колосьями и казалось Дюймовочке дремучим лесом.

И вот однажды пришел старый крот и посватался к Дюймовочке.

— Ну, теперь тебе нужно готовить приданое, — сказала старуха мышь. — Ты выйдешь замуж за важного господина, и надо, чтобы у тебя всего было вдоволь.

И Дюймовочке пришлось по целым дням прядь пряжу. Старуха мышь наняла четырех пауков, и они днем и ночью сидели в мышиной норе и ткали разные ткани.

А толстый слепой крот приходил каждый вечер в гости и болтал о том, что скоро лету будет конец, солнце перестанет палить землю и она снова станет мягкой и рыхлой. Вот тогда они сыграют свадьбу. Но Дюймовочка все грустила и плакала: она совсем не хотела выходить замуж за толстого, старого крота.

Каждое утро, на восходе солнца, и каждый вечер, на закате, Дюймовочка выходила на порог мышиной норки. Иногда ветер раздвигал верхушки колосьев, и ей удавалось увидеть кусочек голубого неба.

«Как светло, как хорошо тут, на воле!» думала Дюймовочка и все вспоминала о ласточке: ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточки нигде не было видно — должно быть, она летала там, далеко-далеко, в зеленом лесу.

И вот наступила осень. Приданое Дюймовочки было готово.

— Через четыре недели твоя свадьба! — сказала Дюймовочке полевая мышь.

Но Дюймовочка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

— Глупости! — сказала старуха мышь. — Не упрямься, а не то я укушу тебя своими белыми зубами. Чем тебе крот не муж? У самой королевы нет такой черной бархат-

ной шубки, как у него. Да и в погребах у него не пусто. Бога благодари за такого мужа!

Наконец настал день свадьбы, и крот пришел за своей невестой.

Теперь Дюймовочке придется переселиться в кротовую нору, жить глубоко под землей, и никогда она не увидит солнца — крот ни за что не позволит ей выходить из норы. А бедной Дюймовочке было так тяжело навсегда рас проститься с ясным солнышком!

И Дюймовочка вышла взглянуть на солнышко в последний раз.

Хлеб был уже убран с поля, и из земли опять торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла от мышиной норки подальше и протянула к солнцу руки:

— Прощай, солнышко, прощай!

Потом она увидела маленький красный цветочек, обняла его и сказала:

— Поклонись, цветочек, от меня милой ласточеке, если увидишь ее!

— Тви-вить, тви-вить! — вдруг раздалось над ее головой.

Дюймовочка подняла глаза и увидела ласточку, которая пролетала мимо.

Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась, а Дюймовочка заплакала и рассказала ласточеке, как ей не хочется выходить замуж за толстого крота и жить с ним глубоко под землей, куда никогда не заглядывает солнышко.

— Уже наступает холодная зима, — сказала ласточка, — и я улетаю далеко-далеко, в теплые края. Хочешь лететь со мной? Садись ко мне на спину, только привяжи себя покрепче поясом, и мы улетим с тобой от гадкого

крота, улетим далеко, за синее море, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудесные цветы. Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в темной, холодной яме.

— Да, да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка.

Она села ласточке на спину, протянула ножки на хвост птицы и крепко привязала себя поясом к самому большому перышку.

Ласточка взвилась стрелой и полетела над темными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было очень холодно, и Дюймовочка вся зарылась в теплые перья ласточки и высунила только голову, чтобы любоваться прекрасными местами, над которыми они пролетали.

Но вот они прилетели в теплые края! Тут солнце сияло гораздо ярче, небо было вдвое выше, чем у нас, а вдоль канав по изгородям вился чудесный зеленый виноград. В лесах росли лимоны и апельсины, пахло миртами и душистой мятой, а по дорожкам бегали веселые ребяташки и ловили больших пестрых бабочек. Но ласточка летела все дальше.

На берегу прекрасного голубого озера, посреди зеленых кудрявых деревьев, стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились птичьи гнезда. В одном из них и жила ласточка.

— Вот мой дом! — сказала ласточка. — А ты выбери себе самый красивый цветок внизу, я посажу тебя туда, и ты заживешь прекрасно.

Дюймовочка обрадовалась и от радости захлопала в ладоши.

Внизу лежали куски белого мрамора — это свалилась

верхушка одной колонны и разбилась на три куска. Между мраморными обломками росли большие белые цветы. Ласточка спустилась и посадила девочку на широкий лепесток. Но что за чудо! В чашечке цветка сидел маленький человечек, беленький и прозрачный, как будто он был из стекла. За плечами у него дрожали легкие крыльышки, а на голове блестела маленькая золотая корона. Ростом он был не больше нашей Дюймовочки. Это был король эльфов.

Когда ласточка подлетела к цветку, эльф совсем перепугался.

Он был такой крошечный, а ласточка такая большая! Но он очень обрадовался, когда увидел Дюймовочку: он никогда еще не видел такой красивой девочки. Он низко поклонился ей и спросил, как ее зовут.

— Дюймовочка, — ответила девочка.

— Милая Дюймовочка, — сказал эльф, — не хочешь ли ты быть моей женой?

И Дюймовочка сразу согласилась.

Тогда из каждого цветка вылетели эльфы и принесли Дюймовочке подарки.

Самым лучшим подарком были прозрачные крыльышки, совсем как у стрекозы. Их привязали Дюймовочке на спину, и она тоже могла теперь летать с цветка на цветок. То-то было радости и веселья!

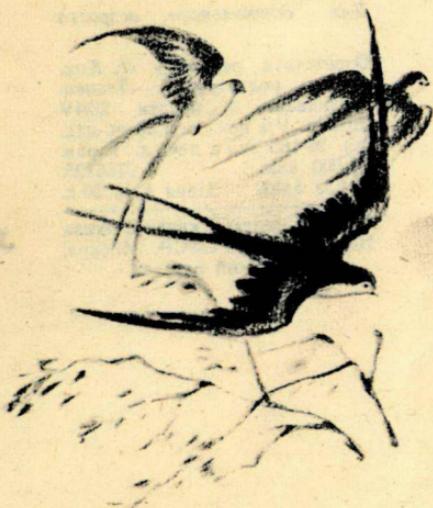
А ласточка сидела наверху, в своем гнездышке, и распевала песни, как умела.

Она пела эльфам веселые песни всю теплую зиму, а когда в холодных странах пришла весна, ласточка стала собираться на родину.

— Прощай, прощай! — прощебетала ласточка и опять полетела из теплых краев в Данию.

Там у нее было маленькое гнездышко, как раз над окном человека, который умел хорошо рассказывать сказки.

Ласточка рассказала ему про Дюймовочку, а от него и мы узнали всю эту историю.

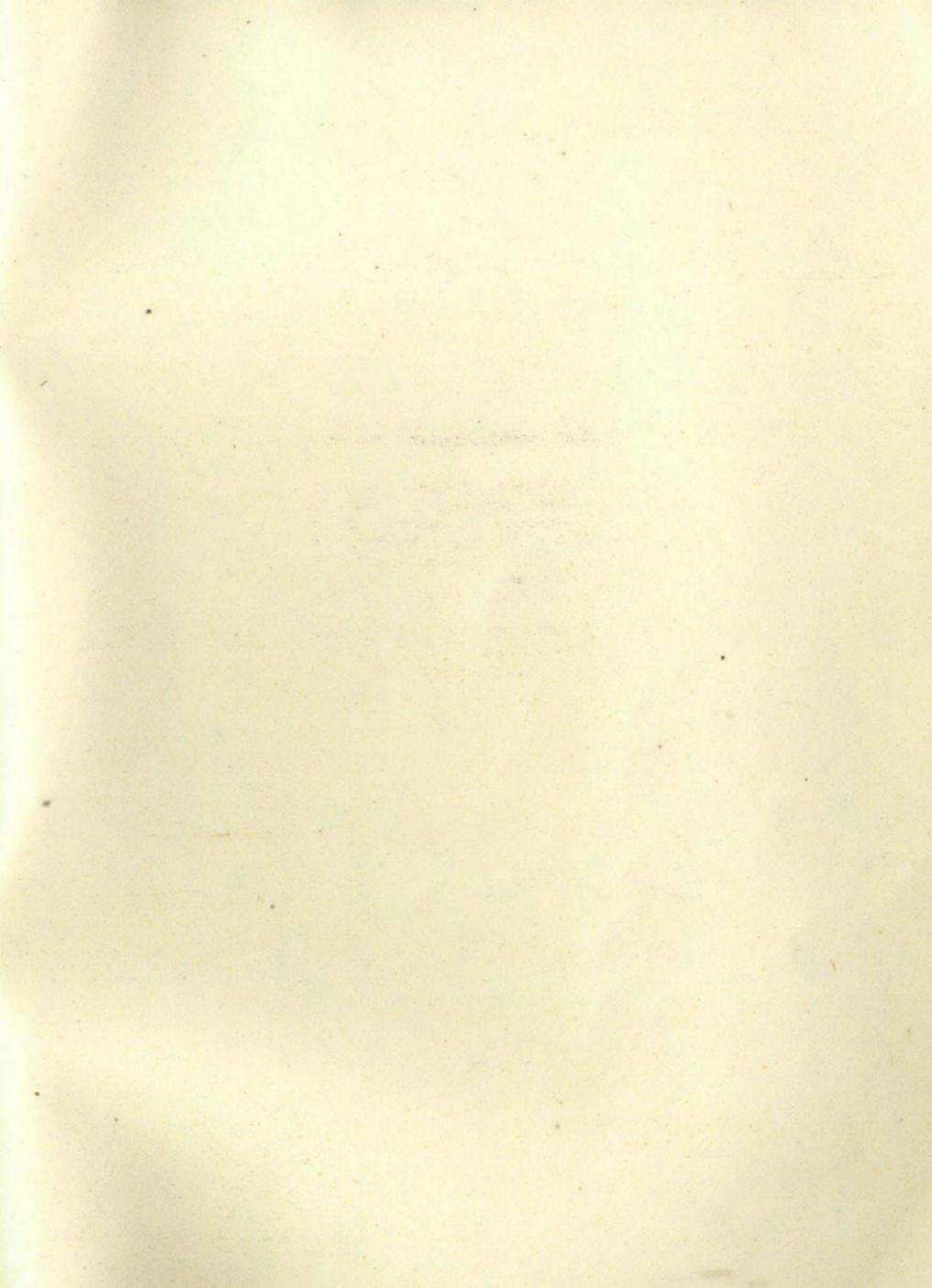

Для дошкольного возраста

Ответствен. редактор *Л. Конь*
Технич. редактор *Г. Левина*.
Подписано к печати 23/IV
1945 г. 1 $\frac{1}{4}$ печ. л. (1,36 уч.-изд.
л.). 28 160 зн. в печ. л. Тираж
75 000 экз. № 66125.
Заказ 5492. Цена 1 р. 50 к.

Фабрика детской книги Детгиза
Наркомпроса РСФСР. Москва,
Сущевский вал, 49.

337.6443 0/р

Цена 1 р. 50 к.